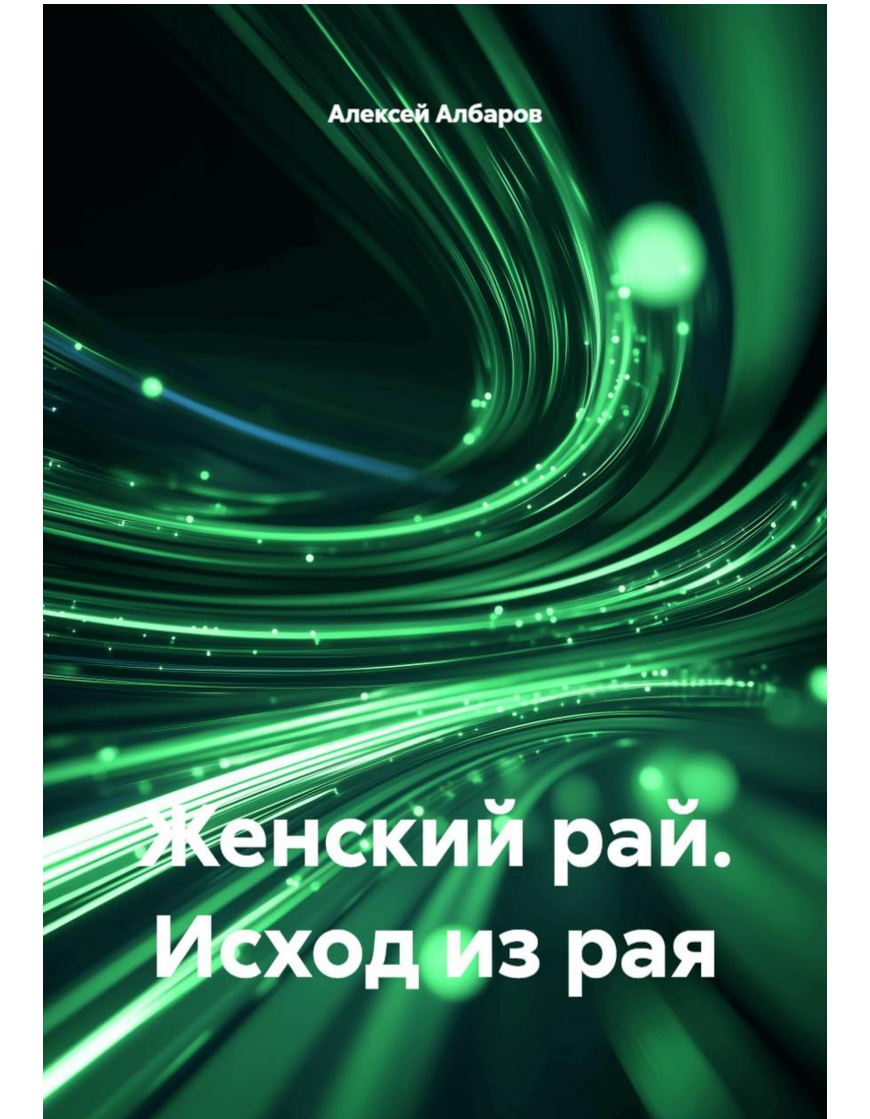

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and depth. They are set against a dark, almost black, background, which makes the green light stand out prominently. The light trails vary in thickness and brightness, with some appearing as sharp lines and others as softer, more diffuse glows. There are also small, bright green dots scattered throughout the composition, resembling distant stars or particles of light.

Алексей Албаров

Женский рай. Исход из рая

Алексей Албаров

Женский рай. Исход из рая

<https://litres.ru/72993392>

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга продолжает историю советской разведчицы, устроившейся в один из театров на оккупированной территории. Но театр — это просто прикрытие для Центра СД. Лариса начинает работать в таком Центре. Об этом в первой книге — «Труфальдина с Лиговки».

Выясняется, что Центром руководят совсем не фашисты. Более того, руководство и часть сотрудников Центра — пришельцы.

Каковы их задачи и как сложилась судьба Ларисы, о ее приключениях читайте во второй книге — «Женский Рай».

Алексей Албаров

Женский рай. Исход из рая

Часть I. Путь к эдему

Прелюдия

В кабинете, утопавшем в тяжёлых портьерах и пахнущем дорогим деревом, двое мужчин обсуждали чью-то кандидатуру. Старший, лет сорока пяти, был воплощением выхоленной элегантности: безупречная тройка, галстук и этот платочек в нагрудном кармане — всё кричало о деньгах и власти. Его визави, парень лет двадцати пяти, щеголял в сине-стальном костюме, покрой которого нарочито подчёркивал спортивность.

— Итак, дорогой Вернер, «баронесса-дубль-два», похоже, не оправдала ожиданий, — констатировал старший, даже не вопрошая.

— Увы, Экселенц. — Молодой человек усмехнулся.

— Что же с «дублем-первым»?

Юноша скривил губы в брезгливой гримасе.

— Насколько я понимаю, у вас уже есть новая кандидатура. — Старший словно читал его мысли.

— Верно, Экселенц. Вы её знаете. Даже поручали Конstantину присматривать за ней.

Тот приподнял бровь.

— Та самая, что пиво разносила?

— Именно так.

— Константин докладывал, из неё получился неплохой боец.

— Экселенц, она прошла достойную подготовку, а её практические навыки произвели впечатление. К тому же, она очень похожа на объект.

Старший замер на мгновение.

— Но она провалилась в Берлине.

— Это не её промах, скорее — доказательство качеств её подготовки. Франц использовал её урывками, меняя легенды. В итоге она столкнулась с человеком, знавшим её под другой личиной. Тот донёс в гестапо. Её попытались схватить, но она ушла.

— Сама?

— Сама.

— В розыске?

— Формально — да, но у гестапо нет ни улик, ни данных. Они спихнули дело криминальной полиции, представив её мошенницей. Так что розыск объявлен только берлинской полицией. У них нет ни отпечатков, ни фото — лишь паршивый рисунок.

— Логично. Проще не признавать провалы и подкинуть проблему коллегам, которые всегда найдут, как от неё откресться. Их-то при задержании и не было.

Он помолчал, все взвешивая.

— Хорошо, Вернер. Но мне нужно уехать. Вернусь завтра, после обеда. Вечером я занят, так что назначьте смотрины на завтра, с четырёх до шести.

— Слушаюсь, Экселенц.

Преддверие

Кто бы мог подумать, что мой личный ад обернётся чем-то похожим на рай. Всё началось в бывшей обкомовской гостинице, обставленной с тем самым замысловатым вкусом, что бывает у людей, внезапно получивших доступ к власти и бюджету.

Вчера Вернер, покрутив меня по коридорам, сдал с рук на руки новому сопровождающему. Мы миновали пару неприметных дверей и очутились в коротком, но шикарном коридорчике. Стены — тёмное дерево, свет — помпезные бронзовые светильники. Большой кожаный диван вызвал у меня лёгкую дрожь. Я старалась не думать о жаб-майоре, хотя тень от нашего общения всё ещё копошилась в подсознании.

За углом — длинный коридор, где, словно повелительница, восседала дама в платье-униформе. Сопровождающий подвёл меня к ней, вручил бумагу и, мельком взглянув на меня, попытался изобразить казённую улыбку. Дама велела подождать, указав на кресло у своего стола. Мой провожатый ретировался.

Похоже, она позвонила, потому что через пару минут появилась девушка в такой же униформе. Дама передала ей ключ и, обернувшись ко мне, сдержанно бросила по-русски:

«Проводи фрейлейн».

Девушка обратилась ко мне по-немецки, но с лёгким славянским акцентом:

— Битте шён.

Мы двинулись в противоположный конец коридора. Поворот — и снова диван. Девушка открыла дверь с номером 317.

Внутри — небольшая прихожая. Девушка показала на дверь справа — туалет. Открыла дверь напротив — душ и раковина с зеркалом. Полотенца и прочие принадлежности выглядели так, будто их позаимствовали из другой эпохи: всё это было обременено гротескной напыщенностью.

В самой комнате она продемонстрировала шкафчик. Внутри висели махровый халат и ещё один комплект полотенец

Кроме шкафчика, в распоряжении были изысканный буфет, кресло, стул, стол и кровать. На тумбочке — телефон и несколько листков с номерами. Девушка пояснила, что телефон внутренний. Если захочу принять ванну, нужно позвонить дежурной, её номер был подчёркнут. Положив ключ рядом с аппаратом, она пояснила: если решу выйти, ключ следует оставить дежурной по этажу.

Она указала пальцем на кнопку вызова горничной у кровати, спросила, не нужно ли чего ещё, и с улыбкой растворилась в таинственном коридоре.

Я сбросила одежду и ринулась в душ, где струи воды смы-

ли усталость и нервное напряжение последних дней. Облачившись в мягкий халат, я утонула в кресле.

Минут через десять в дверь постучали.

— Войдите! — крикнула я, не подозревая, что меня ждёт.

В номер вошла девушка в униформе, подпоясанная белым передником, — вид заботливой служанки. Она внесла мой чемодан и, положив на стол два талона, объявила: «На обед и ужин». Сказала, что обед начнётся через полчаса, и с серьёзным видом добавила, что ресторан на первом этаже, в этом же крыле. Не без любопытства поинтересовалась, не нужно ли чего постирать. Я отказалась.

На прощание бросила:

— Если что-то понадобится постирать или почистить, просто бросьте на пол у душевой.

У меня ещё оставалось время разобраться с гардеробом. Взгляд скользнул по спортивному костюму, в котором я сюда прибыла, по форме горного егеря и лёгкому платьицу с дерзкими вырезами спереди и сзади. Последнее, одно из орудий соблазнения, как и туфли на шпильках, мне было приказано захватить, когда меня перебрасывали в учебный центр горных стрелков. Проблема была в том, что это платье надевается строго без бюстгальтера.

Решение созрело быстро. В форме или по спортивке мне в ресторане делать было нечего: все мужчины в костюмах, дамы в платьях. Надев его и пару безделушек, я с лёгким трепетом отправилась вниз.

В коридорах и ресторане народа было немного. Среди присутствующих — военные, штатские и три дамы в строгих платьях, предписанных режимом Третьего рейха. Я, понятное дело, смотрелась на их фоне экзотическим птичкой. Двое военных и один штатский разглядывали меня с нескрываемым интересом, в то время как дамы пялились с немым презрением. Одна даже скривила губы, явно выражая своё фи.

Впрочем, это не помешало мне с аппетитом приняться за еду. Правда, порции салата и борща были по-европейски скромными, зато и салат из помидоров с огурцами, и борщ были нашими, родными. И да: борщ был хоть и в чашке, но подавали со сметаной. На второе я взяла рыбу — превосходного судака по-польски, хотя в меню он назывался как-то вычурно.

За кофе я успела заметить, как в мою сторону начинают выстраиваться атаки со стороны того самого штатского-бонзы и одного военного.

Но вдруг, словно ураган, в ресторан влетел Константин и плюхнулся на стул рядом, обняв меня за плечи.

— Ты чего так разрядилась? — спросил он с лёгкой ироничной усмешкой.

— А что, лучше было в форме унтер-офицера явиться? Взгляни: генерал сидит. А в спортивной форме я бы просто не прошла по дресс-коду! — парировала я.

Он лишь фыркнул:

— Допивай кофе и пошли.

Мы поднялись на мой этаж. При виде Константина дама за конторкой расцвела будто кактус после долгой засухи.

— Дарья Петровна, ты уж мою девочку не обижай. Распорядись принести чего закусить и бутылочку коньяка, ну, того, ты знаешь. Да подбери ей чего-нибудь из одежды, а то у неё только форма и это... — Он мотнул головой в мою сторону.

— Конечно, Константин Сергеевич, — ответила она с лёгким поклоном.

Когда мы отошли, он сказал:

— Не торопись.

Идя по коридору, Константин спросил:

— Удалённую связь получала?

— Нет, только запросила, а потом меня из Баробска перекинули в другое место.

— Завтра с утра, после завтрака, оденься попроще. Распоряжусь, чтобы твои вещи из общежития перебросили — и аусвайс. Попробуем в город махануть.

Войдя в номер, он спросил, при мне ли крест. Я достала из сумочки коробочку с Железным крестом. Константин взял его.

— Да, героическая ты девица, Ларка. Гляди, и Рыцарский зарабатываешь.

В этот момент в дверь снова постучали. Я крикнула «войдите», и на пороге возникла официантка из ресторана с кор-

зиной, полной еды. Она ловко извлекла бутылку коньяка и тарелки: на одной — мясные нарезки, на другой — рыбные и сыр. Расставила нам персональные тарелки с приборами и две матерчатые салфетки.

— Что-нибудь ещё, Константин Сергеевич? — осведомилась она.

— Спасибо, Вера, — кивнул он.

Когда она вышла, Константин вскрыл буфет и достал оттуда рюмки.

— Налил коньяку.

— За тебя, — сказал он, и мы выпили, закусив сыром и колбасой.

— Ну, рассказывай о своих подвигах.

Я рассказала про бой в горах и, не сдержавшись, высказала всё, что думаю об оберсте, не стесняясь в выражениях. Сколько людей полегло, чтобы этот гад получил свой Рыцарский крест!

— Ладно, отдыхай, — отрезал он.

После его ухода я переоделась, закуталась в халат и рухнула на кровать.

Сон прервал настойчивый стук в дверь: на пороге стояла горничная с моим чемоданом из общежития.

— Как зовут? — спросила я по-русски, изучая её.

— Я ваша горничная, Анна. Принесла пропуск и талоны. Это — в ресторан, а это — в кафе, по одному на три дня. — Она замешкалась. — А это... на специальное обслуживание.

На её пухлых губах я заметила следы волнения, а на шее — синяк, старательно замазанный пудрой.

— Анна! Сколько талонов ты должна сдавать в неделю?
— прямо спросила я.

Она испуганно взглянула на меня, отвела глаза и, покраснев, прошептала:

— Один.

Я кивнула на синяк. Она покачала головой:

— Нет, это так... один офицер приставал... Потом сунул двадцать марок.

Мне захотелось отдать ей все три талона, но, слегка смущённая собственным порывом, я оторвала один и подошла к ней. Девушка уставилась на меня в испуге, и в её глазах читался немой вопрос: «А что взамен?»

— Ты мне будешь помогать, — сказала я, протягивая ей листок с телефонами. — Расскажи, что здесь есть.

— Ресторан и кафе, — начала она заученно. — Можете заказывать в номер.

— Парикмахерская?

— У нас есть отличная парикмахерша, Валя. За один талон она сделает и причёску, и маникюр.

— Библиотека?

— Библиотека осталась прежней. — Она снова испуганно взглянула на меня. — Но туда добавили кое-что новенькое. Она бесплатная, в левом крыле на четвёртом этаже. Остальные услуги — на первом.

Она запнулась, видя мой интерес.

— Если хотите принять ванну, записывайтесь у дежурной.

— А как на улицу выйти?

Горничная смутилась:

Я уточнила:— По центральной лестнице, через вестибюль, но с таким пропуском вас не выпустят.

— Спортзал есть?

Она помолчала.— Был, но там теперь охрана размещается. Впрочем, в здании есть зал для заседаний. Часть его отдали под занятия. Спросите, когда придёте, — любой покажет.

— Может, я вас проведу?

На ужин я не пошла — перекусила остатками пиршества и снова завалилась спать. Понимая, что разговор исчерпан, я снова взглянула на талон, подмигнула ей и снова подошла к ней. В этот момент позвонили из ресторана, спросили, можно ли забрать посуду. Минут через десять пришла официантка, сообщила, что коньяк и закуски остаются у меня, и поинтересовалась, не буду ли я заказывать что-то ещё. Услышав «нет», она быстро разложила остатки еды по судкам и спросила, не возражаю ли я, если она уберёт это в буфет вместе с чистой тарелкой и приборами. Получив согласие, она мгновенно собрала грязную посуду и исчезла.

Я попросила в номер. К своей двери я подошла практически одновременно с официанткой. Открыв ключом, я увидела Константина, развалившегося в кресле. Утром, без пятнадцати восемь, пришла медсестра взять анализы. Ресторан

открывался в восемь, и, когда я зашла чуть позже, народа было уже прилично. Пришлось подселиться к какой-то даме: на этот раз на мне было вполне приличное платье. Та благосклонно кивнула. Пока несли завтрак, она поинтересовалась, кто я такая. Не моргнув глазом, я ответила, что из Министерства пропаганды, занимаюсь театральной деятельностью. Дама пустилась в долгий монолог о своих связях в министерстве, щедро разбрасываясь комплиментами, и пообещала оказать мне протекцию, «если я ей понравлюсь». Когда я уже заканчивала завтрак, ко мне подошла официантка и сказала, что меня просят к телефону. Как выяснилось позже, её просто попросили меня спасти от этой дамы, но, если я хочу продолжить общение, мне могут принести кофе с пирожным к столу или, что лучше, в номер.

— Леночка, принеси-ка нам чего закусить, — скомандовал он.

Когда дверь закрылась, Константин, удобно устроившись, произнёс:— Слушаюсь, господин Константин, — ответила официантка.

— Ну что, сбегаешь от меня?

Я хотела было ответить, но он опередил: Я уже давно раскусила, что Константин курирует территории восточнее границы СССР на 41-й год, Петер — Европу, а старший над ними — Вернер.

Затем он достал из кармана аусвайс:— Успокойся, никаких претензий. Шучу.

— Держи, продлил. Переодевайся во что-нибудь попроще: поедem в город.

Через полчаса мы остановились у площади неподалёку от явки. Мы с Константином прошли в другой конец коридора. За дверью без номера обнаружилась пустая квартира. Спустившись вниз, я увидела потрёпанную легковушку, за рулём которой сидел водитель в обычной форме вермахта.

Вернувшись на площадь, я не обнаружила машины. Константин тронул меня за локоть:— Давай, иди, — сказал он, указав на проход между домами. Хозяин явки был на месте. Он вручил мне два адреса: один — для обычной связи, второй — для срочного вызова курьера, пояснил, второй работает только после первого контакта.

Вернулись к знакомому подъезду, поднялись в квартиру. Дверь в ванную — и мы снова в коридоре гостиницы.— Пройдёмся, — сказал он, и в следующем переулке мы увидели ту же машину.

Когда я направлялась на обед, дежурная предупредила, чтобы я после трапезы оставалась в номере. Любопытство к предстоящему визиту росло как гриб после дождя.— Ну, давай, с Богом, — произнёс он, и я почувствовала, как в сердце закралась тревога перед грядущим. Константин снова открыл дверь, шагнул в какой-то коридор, и дверь за ним тихо щёлкнула. Я не удержалась и дёрнула ручку — дверь была заперта. Вернувшись в номер, я налила коньяку, поболтала его в рюмке, вдыхая сладкий аромат. Закусив, погрузилась

в размышления, которые прервала Анна, постучав в дверь. Она принесла часть постиранных и выглаженных вещей, сообщив, что мундир ещё сохнет.

Начало пути

Примерно через полчаса после обеда в номер вошёл Вернер, с видом человека, собравшегося на важный приём. Не оставляя мне выбора, он скомандовал:

И, с лёгкой усмешкой, добавил:— Переодевайся в спортивное.

— Лифчик можешь не надевать.

Кивнув, я переоделась и пошла за ним. Мы подошли к стойке, я сдала ключ дежурной. Снова поворот, он открыл дверь без номера. На этот раз мы очутились в банном коридоре «Гранд-отеля».

— Процедура знакома? — уставился на меня в ожидании.

Очнулась я снова рядом с Вернером. Он помог одеться и, поддерживая, повёл. Снова дверь, знакомый коридор.— Да, — ответила я, обнаружив, что сердце начало отбивать тот же ритм, что и у этого места. — Давай, — подтолкнул он меня. Я разделась. Массаж, парилка, а потом бассейн с ледяной водой, где волны холода обожгли меня словно отголоски прошлого. Мне дали отдышаться, затем вручили стакан с мутной жидкостью. Я стала пить, и реальность поплыла перед глазами.

Сделав глоток, я ощутила, как по жилам разливается огненная волна. Вернер подмигнул и налил ещё.— Соберись,

выходим к людям, — бросил он на прощание, уверенно шагая вперёд. Поворот. К стойке я подошла почти строевым шагом, и дама-дежурная проводила нас взглядом, полным неодобрения. У самого поворота к номеру Вернер снова взял меня под руку, втолкнул в комнату, усадил в кресло и что-то заказал по телефону. Я понемногу приходила в себя, когда в дверь постучали. Вошла женщина с подносом, накрытым салфеткой. Следом за ней проскочила юная официантка с другим подносом, на котором дымились чашки кофе, красовались сахарница и кувшинчик для сливок. Вернер, не глядя, достал кошелёк, протянул купюры и махнул рукой: мол, сдачи не надо. Женщина поклонилась и вышла, девушка исчезла ещё быстрее. Сдернув салфетку, Вернер открыл бутылку грузинского коньяка. В комплекте шла дубовая шкатулка с двумя пузатыми фужерами.

— Ещё глоток, — скомандовал он. Я послушалась.

Через несколько секунд я открыла глаза и встретила его пронизывающий взгляд. Мы смотрели друг на друга несколько минут: сначала он гипнотизировал меня, а потом отпустил. — Закуси лимоном, — настойчиво добавил он, а потом с ухмылкой приказал: — Поставь фужер и крепко зажмурься.

Я автоматически опустила глаза на поднос и почувствовала, как скованность уходит, а дышать становится легче. Он кивнул на фужер, предлагая допить. — Закусывай, — сказал он.

Став серьёзным, добавил:— Говорят, твой Джо отправляет такой же коньяк английскому бульдогу, — заметил он.

Собравшись с духом, я спросила:— Молодец, кажется, ты прошла важный отбор. Давай закусывай. Завтра с утра не ешь, пока анализы не возьмут. Пока закусывай, — повторил он, накладывая мне кусок буженины.

Он хмыкнул:— Вернер, а зачем это всё? Эротический массаж, иногда контакт с женщиной...

— Ты ведь догадываешься, что мы делаем в таких случаях?

— Да, извлекаем информацию из мозга, — ответила я, следя за его реакцией.

— Правильно. А мозг пытается эту информацию защитить. При сексуальном возбуждении эта защита слабеет или исчезает вовсе. Ладно, отдыхай.

Через некоторое время снова постучали. Я открыла — на пороге стояла Анна с чемоданом.

— Вам передали. Помочь разобрать?

После ужина пришёл Петер с сумкой, извлёк из нее портфель.— Спасибо, Анна, я сама. Это были мои вещи из гаража: эсэсовская форма, пилотка с «адамовой головой». В памяти всплыли концлагеря, где мне пришлось побывать. Я налила коньяку, выпила. Встряхнула головой, отгоняя воспоминания. Дверца буфета была открыта: там стояла ещё одна бутылка. Тот коньяк, что принёс Вернер, был хорош, но для Константина принесли что-то получше.

Он помолчал, вспоминая.— Лариса, сложи в один чемодан всё, что связано с СС, в другой — с горными егерями. Отдай в стирку и чистку. Смотри внимательно: в этих чемоданах не должно быть ни документов, ни фото, ничего рукописного. Местное — в третий чемодан. Документы, фото, рукописные письма — сюда, в портфель. Крест, награды — тоже сюда.

Я принялась разбирать вещи: одежда из общежития и гаржа была чистой.— Да, спортивную горную форму не убирай; подбери немного нижнего белья, домашней одежды — самую необходимую часть, чтобы уместилось в одну сумку.

Сразу после завтрака явился Петер, уточнил, все ли документы и ценности в портфеле. Я ответила, что часть вещей ещё сушится.

Переодевшись, я позвонила Анне. Когда она пришла, Петер сказал:— Переодевайся в спортивную горную одежду. Как оденешься, позови горничную.

— Номер пока не убирай. Когда вещи погладишь, сложи в сумку или коробку. Сумку найдёшь?

— Конечно.

Я остановила её:— Тогда свободна.

— Продукты заberi, если завтра не вернусь до обеда, то и талоны. Они под телефоном. Всё, иди.

Дверь без номера, за ней — знакомый коридор «Гранд-отеля». Снова коридор. Я сдала ключ. Петер что-то сказал дежурной.

Откуда-то возник Вернер. Они переглянулись с Петером, и мне показалось, что они пообщались без слов. Я подозревала, что они умеют невербально общаться.

— Девочка, тебе предстоит встреча с начальством.

— Нет, но с первым после него. Человек он непростой и педантичный, так что соберись.— С Максом? — уточнила я.

— Когда?

Вернер продолжал наставлять:— Пошли, я тебя проведу, — сказал Вернер. Петер забрал у меня сумку.

— Девочка, ничему не удивляйся и, главное, не вздумай ему перечить.

Тёмно-серая тройка, ослепительно белая рубашка, идеально подобранные запонки, галстук и заколка — всё создавало впечатление, что он не просто элегантен, а является живым воплощением устава. Я вспомнила, что видела его в бане «Гранд-отеля». Это он сказал, что «Сашка ведёт себя беспокойно». Мы вошли в кафе; оно было почти пустым. Справа, в углу, за столиком, сидел высокий худощавый мужчина с аристократичным, породистым лицом. Не знаю почему, но в голове пронеслось: «как денди лондонский одет». Одет он был строго, но безупречно.

Когда мы подошли, я сама не заметила, как встала по стойке «смирно». Он хмыкнул, и я поняла: это он осматривал меня в бане.

— Присаживайтесь. — Он изящным жестом указал на стул напротив. — Вернер, ты нам пока не нужен. Что вам

заказать? Не стесняйтесь. Коньяк, вино, закусить?

Сам он пил чёрный кофе, что навело меня на сравнение.

Официантка уже стояла рядом — он отдал распоряжение.— Спасибо, если можно, кофе со сливками, — ответила я.

— Как самочувствие? — спросил он.

Кофе оказался отменным, куда лучше, чем в других кафе «Гранд-отеля».— Спасибо, всё в порядке. Мы помолчали, пока мне не принесли большую чашку кофе, сахарницу и кувшин со сливками. Я добавила сливки, а он глазами указал на сахар, на что я отрицательно качнула головой.

Я подняла глаза на собеседника.

Меня обуревали сомнения, я пыталась скрыть неловкость, но ощущение, что на меня смотрят с недоумением, лишь росло. Самообладание начало трещать по швам. Почему-то в тот момент мне дико захотелось доказать, что я достойна этого момента, что могу быть такой же утончённой. Я отхлебнула кофе, слегка покраснела и, встретив его внимательный взгляд, поняла: он ждёт от меня не только послушания, но и диалога.— Меня зовут Ивэн, иногда — Иван Карлович, — представился он. Он изящно поднял чашечку, отхлебнул. Его манеры напоминали старинную гравюру: всё чётко и грациозно. Я попыталась подражать, тоже подняв чашку, но к своему ужасу осознала, что выгляжу неуклюже. Вспомнились уроки с гейшами, которые строго-настрого запрещали пить из больших чашек, утверждая, что это проти-

воречит женственности.

Он продолжил:— Герр Ивэн, — начала я. — Просто Ивэн, — поправил он.

В поданном мне кофе, казалось, таились зёрна элегантно-сти, и я надеялась, что смогла это показать, снова погружаясь в ароматный напиток. Да и такого кофе я давно не пила.— Лара, не будем ходить вокруг да около. У нас есть возможность создать удачную легенду, и несколько дам уже примеряли её на себя. Однако ты, бесспорно, лучший кандидат на данный момент. Ты актриса, а у нас есть роль. Режиссёр уже подбирает типажи. Ты подходишь, но это не значит, что тебя утвердят. Начнутся репетиции, и только по их итогам будет принято решение.

Он допил кофе, поставив чашку так, будто поставил точку в важном деле.— Проблема в том, что работа будет проходить далеко от твоей родной России — это может снизить твою привлекательность для твоих кураторов из Советов. Однако, как водится в разведке, предсказать что-либо заранее невозможно.

— Подумай. — С этими словами он встал, кивнул мне с лёгкой учтивостью и вышел. Я осталась одна, допивая кофе. Затем рядом присел Вернер. Вскоре подбежала официантка.

— Две порции коньяка и тарелку закуски! — распорядился Вернер.

Вернер повернулся ко мне.— Сию минуту, герр Вернер! — сказал она и исчезла.

— Ну что, готова?

— А у меня есть шанс отказаться?

Он пожал плечами, придав этому жесту оттенок таинственности.

На стол поставили рюмки с коньяком и тарелки с нарезкой из копчёной колбасы и сыра. Когда официантка ушла, он спросил:— Ты можешь сознательно завалить репетицию, но я бы не советовал.

— Ты действительно будешь выкладываться?

В небольшой паузе, поймав его взгляд, я ощутила, что стою на краю.

— Играть по-настоящему?

Я допила кофе.

— Да.

— За новый этап в твоей жизни!

Мы выпили, закусили. Он сказал:

В коридоре мы столкнулись с Петером, который нёс мою сумку.— Доедай всё. Неизвестно, когда в следующий раз поешь.

Он протянул мне документы: паспорт и моё старое удостоверение на имя Эрики Бергхард.— Давай, девочка. Вернер наклонился и нежно поцеловал меня в щёку. Петер открыл дверь, за которой скрывалось нечто таинственное, но знакомое: похоже, учебный центр в Татрах.

— Пока будешь Эрикой. Если хочешь, могу попросить выделить тебе комнату, отдохнёшь.

— Надолго?

— Нет, говорят, всё закончится в течение часа.

Свернувшись калачиком в кресле, я задремала.— Тогда я подожду здесь.

Начало новой жизни

Сон прервал лёгкий толчок в плечо.

— Эрика Бергхард?

— Да.

— Пойдёмте со мной.

При входе в здание меня окликнул мужчина: Мы вышли из здания. В ста метрах на взлётной полосе стоял небольшой самолёт, похожий на игрушечный. Полёт занял около полутора часов, после чего мы приземлились на настоящем аэродроме.

Через час мне принесли одежду.— Эрика, пойдём. Нас ждала двухчасовая поездка по горным дорогам в ночи. Мы прибыли в маленький городок среди Тирольских Альп. Я вздремнула в удобном кресле, и вскоре ко мне подошла женщина для снятия мерок. Завтрак был своеобразным: жареные овощи с мясом, сверху — яичница, рядом — стакан смородинового сока. Вместо кофе — чёрный чай с пряностями и лёгким алкогольным привкусом в массивной фаянсовой кружке.

Около одиннадцати я открыла глаза: кто-то выскользнул из комнаты. Через несколько минут пришёл Вернер.— Примеряй. После этого мы отправились кататься, осматривая

окрестности. Народ вокруг был тоже весьма колоритным. Обед был обильным и сытным, но около шести мы отправились в баню — куда ж без этого! Девушка, чем-то похожая на меня, предлагала особые напитки, и вскоре мы с ней погрузились в мир изысканных массажей. По окончании я провалилась в сон.

— Проснулась?

В голове царил хаос. Вернер помог мне сесть, опершись на спинку кровати, и позвонил в колокольчик. Вскоре появилась девушка с подносом и двумя огромными кружками светлого пива. Вернер забрал поднос, поставил мне на колени, взял одну кружку и кивнул на другую.— Кажется, да.

Мы потягивали пиво.— Пей.

— Есть хочешь?

Когда вернулась, он пересел из стула у кровати в кресло у столика. Показал и мне на кресло напротив. Я почувствовала зверский голод. Он снова позвонил, и девушка принесла поднос с едой. Вернер переложил часть на мой. Я жевала мясо, сало, лук, зелень, какие-то овощи и запивала пивом. Голова начала проясняться. Вернер заказал ещё пива, хотя его кружка была ещё наполовину полной. Я заёрзала. Он снял с меня поднос, кивнул на халат и тапочки, благо цель была рядом. Заодно умылась.

— Начали.

«Баронесса Даниэлла, что означает "Бог — мой судья"».
Вернер извлёк из папки пожелтевшую фотографию: двое

людей в возрасте и юная девушка — почти копия меня и той девушки из бани. Лицо женщины смутно напоминало Дашу, будто тень из прошлого.

— Кто это? — спросила я, не думая.

— Брангау. Точнее, бароны фон Брангау. После аншлюса титула снова вошли в моду — аристократия-то в Австрийской республике была отменена.

— Верно, Карл и Елена фон Брангау и их дочь Даниэлла. Значит, Даниэлла — это "Бог мой судья".

Вернер ненавязчиво поднёс мне кружку с пивом, и я сделала глоток. Голос Вернера звучал размеренно, повествуя о знатном, но обнищавшем роде, оставившем своим потомкам лишь курятник, горный виноградник и три преданные крестьянские семьи, возможно, всё ещё державшиеся из-за хороших условий аренды. Крошечный домик и эхо бывшего величия родового замка, превращённого государством в музей, — всё это будило воображение. В памяти всплыла картинка из детства: я с отцом прохожу массивные ворота во двор, а потом — в замок. Он не был особо величественным: старый, приземистый, с окнами-бойницами. Внутри — потемневшие от времени интерьеры: штандарты, истрёпанные гобелены и вездесущий камин.

Старший отправился к праотцам: инсульт сразил отца, а через год он скончался. — Поехали дальше. В 1938 году Елена упала со скалы в винограднике и разбилась. Закрыв глаза, я будто увидела её, лежащую на траве у подножия, с вино-

градной лозой в руке. Мы остались вдвоём, но ненадолго.

Это не вызвало у меня никаких эмоций.— И через год, оставшись одна на похоронах, ты познакомилась с Фридрихом, дальним родственником. Вы сбежали на лыжный курорт, но его отозвали в часть. Он уехал, оставив тебе денег на дорогу. На курорте ты встретила Вельму, тоже оставшуюся без кавалера, и вы провели несколько дней вместе в твоём номере.

Вернер отхлебнул пива, и в его глазах блеснула искорка, когда он предложил:— Всё было оплачено Фридрихом, — продолжал Вернер. — Потом Вельма уговорила тебя поехать в Вену. Там появился Гуго, твой дальний родственник из Швейцарии. Он сообщил, что финансы матери Елены, которые ты унаследовала, могут обеспечить небольшую стипендию, если ты, наконец, возьмёшься за ум и поступишь в Венский университет. И он готов помочь с расходами.

Мы сделали паузу, предавшись пиву и закускам, затем Вернер снова заговорил:— Давай слегка подправим. Гуго был восхищён тобой и пожелал помогать тебе в качестве любовницы. Не исключено, что тебе снова придётся с ним встретиться, он один из нас. Намёк: ничего интимного между вами не будет. Это я тоже знала: они не вступают в контакт с земными женщинами.

— Премудрости науки тебе будет преподавать Хусейн. В университете ты познакомилась с Фарухом, сыном арабского шейха, и увлеклась арабистикой и Кораном. В этом году он

закончил обучение, и ты уехала с ним куда-то в Аравию. Её нет, так что баронесса Даниэлла фон Брангау — это теперь ты. — Вернер поднял кружку с изображением замка Брангау и баронской короны. — Тебе предстоит освоить австрийский диалект, а с учёным Хусейном — освежить знания по арабистике.

— И пусть Бог будет моим судьёй, — заметила я, и тут же подумала, что девочка была католичкой, хоть и не слишком набожной, но основы католицизма мне придётся усвоить.

— Да, это как раз твой случай, — ответил Вернер, протягивая мне ладанку с образом Богородицы, которую мне вручила польская актриса за спасение её ребёнка.

Он улыбнулся: Мы посетили поместье Брангау, проехали через Тироль и прибыли в Вену. Честно говоря, перед замысловатыми воротами Венского университета меня охватил ступор. *Alma mater Rudolphina Vindobonensis*, основанная герцогом Рудольфом IV в 1365 году, — старейший университет в немецкоязычном мире. В те времена у нас ещё было монголо-татарское иго, от которого Дмитрий Донской мечтал избавиться лишь через пятнадцать лет. Блуждая по университетским коридорам, я словно вживалась в воспоминания Даниэллы. Только в этих воспоминаниях не было ни Фридриха, ни Вельмы, ни Гуго. А вот Фарух был: он стал первым мужчиной Даниэллы, это я увидела во сне. Значит, Фридриха точно не было. И вдруг я «вспомнила»: ещё до того, как отца разбил инсульт, он настоял, чтобы Даниэлла по-

ступила в университет. Здесь она и встретила Фаруха. А когда отец слёг, именно Фарух помог ей определить его в клинику в Вене. Он же и оплачивал его пребывание там. Когда появился Вернер, я выложила ему это.

Я опешила, а он продолжал:— Прекрасно, девочка! Значит, в тебе проснулись воспоминания Даниэллы.

Хусейн — старец, надоедливый, как комар, а толку от него чуть. Вернеру пришла в голову идея, и они «закачали» в меня информацию с одной профессорши. После этого у меня и начались глюки. Хусейн что-то бормотал на незнакомом языке. Внезапно во мне закипело возмущение:— Да, Фридрих и Вельма — это легенда, а вот Гуго — реальный персонаж, правда, к настоящей Дани отношения не имел. Но тебе с ним работать.

— Как ты можешь так коверкать великие стихи!

И я начала читать стихи, и звуки лились, словно песня.

— Откуда ты знаешь персидский? — уставился на меня Хусейн.

— Откуда? Наверное, от профессорши.

Храм Огненного Цикла

Поток новой информации, обрушившийся на сознание, вызвал полную кашу в голове и галлюцинации; в висках стучало. За спиной будто горела вселенная, и я оказалась в ловушке. В этот момент в баню вошёл Ивэн, озабоченно осмотрел меня и приложил ладонь к обручу на моей голове.

Наконец мы подошли к арке, таинственной, будто создан-

ной для великого ритуала, — она была затянута плёнкой. В стене напротив я разглядела бойницы, будто охранявшие тайны — Похоже, произошла перезагрузка, — произнёс он задумчиво, словно прислушиваясь к чему-то. Накинув халат, жестом предложил мне сделать то же самое. Я надела халат, не раздумывая. Ивэн открыл дверь, за которой нас ждал то ли коридор, то ли иное пространство — нечто неопределённое, менявшееся на глазах. Мы выходили, закрывая за собой двери, и по ту сторону нас встречала новая реальность.

— Надевай, — сказал Ивэн, протягивая мне хитон и в то же время стягивая с меня халат. Он облачился в нечто подобное и обнял меня.

Зазвучала музыка; мужчина встал перед кафедрой главной жрицы спиной к ней и шагнул вперёд. Стремительным жестом она направила правую руку вперёд, и я осознала, что он начинает уменьшаться. На самом деле он спускался по лестнице. — Держись за мою шею и закрой глаза. Мы погрузились в пространство, которое нельзя было назвать ни воздухом, ни водой: это была густая субстанция, предвещавшая перемену. Затем — резкий толчок, будто реальность сжималась. И снова удар, сжатие — этот ритм повторился несколько раз. Когда Ивэн поставил меня на землю, я поняла, что это песок. Перед нами была ещё одна арка в скале. Ивэн развернул меня. Примерно в ста метрах высилось странное сооружение, похожее на древний храм. Приблизившись, я заметила у входа охрану. Их вооружение напоминало короткие

копья, на поясах висели мечи. Рядом стояла женщина в тунике, вызывавшей воспоминания о древности — греках или римлянах. Ивэн показал ей круглый знак на шнурке на шее, и стража расступилась. Мы поднялись по лестнице на площадку. Я увидела ещё трёх женщин в туниках разных цветов. Особенно выделялась одна: её одежда словно была соткана из мгновений пламени, тонкие нити искрились. Обруч на голове был усыпан красными камнями, на массивной золотой цепи сверкал медальон. Она стояла за каменным столом, будто возведённым для великих собраний. На переднем плане другая жрица, в алой тунике, общалась с Ивэном на незнакомом языке. Он передал ей небольшую сумку с длинной ручкой, висевшую у него через плечо. Третья девушка, в простой белой тунике, держала корзинку, собирая одежду какого-то мужчины. Когда на нём остался лишь пояс с кольцом, в который был продет меч, главная жрица подняла руки.

К нам подошла та же девушка с корзинкой. Не раздумывая, я сбросила хитон и встала перед кафедрой жрицы как есть. Зазвучала музыка, и в голове прозвучал голос:— Внимание, — сказал Ивэн. — Когда скажут, встань перед жрицей. По её сигналу спустишься по лестнице. На нижней площадке стой и только по приказу жрицы иди по дорожке. Не спеши, но и не останавливайся, пока не дойдёшь до площадки с двумя арками. Войди в ту, что засветится, и следуй указаниям. Запомни: на дорожке нельзя останавливаться, идти можно только вперёд.

Я спустилась на площадку, где плясали язычки не то света, не то чего-то иного.— Идущая по спирали, спускайся.

Язычки танцевали, поднимаясь уже до колен, до бёдер.— Иди и помни: нельзя останавливаться.

— Стой!

Я застыла на небольшой площадке, куда язычки не дотягивались. Справа вспыхнула арка, за ней возникла светящаяся дорожка.

Нас опустили в бассейн, где поверхность напоминала загустевший молочный кисель, пузырящийся под нами. Я взглянула на лицо Ивэна: оно застыло, заострившись от боли. Через некоторое время нам помогли выбраться и провели в другую комнату, где в бассейне была чистая, прозрачная жидкость, лишь пузырьки поднимались со дна.— Иди и помни: нельзя останавливаться. Я шагнула вперёд, и языки пламени снова охватили меня, поднимаясь всё выше: вот они уже выше живота, обвивают грудь. Внезапно я начала разливать другую мелодию: она нарастала, звала. Впереди сияли две арки, каждая манила своим светом, за одной была светящаяся дорожка. Мелодия, словно живая, тянула меня к себе, и, поддаваясь её зову, я двинулась вперёд. Крики наполняли пространство, но новая мелодия вела меня по огненной дорожке. Языки пламени становились горячее, добравшись до шеи; они окутывали меня, заставляя с трудом пробираться сквозь них. С каждым шагом я чувствовала, как силы покидают меня. В некоторых местах зуд становился невыноси-

мым, словно от ожогов. Но внезапно языки пламени исчезли, и я снова увидела перед собой огненные оттенки, манившие меня, словно звала та самая мелодия. Я шагнула навстречу новому свету. Но в тот же миг меня отбросило в сторону, и я вскрикнула от боли. Тут же к нам бросились девушки и начали поливать меня водой из амфор. Я увидела ужасную картину: часть руки Ивэна сгорела, блеск белой кости в чёрной ране резанул по сердцу. Мне с трудом удалось отвести взгляд: это была рука моего спутника. Меня понесли к потайной дверце, за которой скрывалось помещение с бассейном. Ужасная боль пронзила меня, когда я заметила, что кожа на бедре обуглилась, словно подгоревшее на сковороде мясо. Ожог был размером с ладонь.

Я сидела в другом помещении, когда появился Ивэн. Его рука была забинтована и подвешена на перевязи.— Терпи, будет больно, — сказал кто-то, заставляя меня стиснуть зубы. С каждой каплей, касавшейся меня, чёрный слой обгоревшей кожи словно таял, уступая место чему-то новому. Я первой выбралась из бассейна. На бедро наложили повязку, на мелкие ожоги — мазь.

— Я не могу нести тебя, — произнёс он с усилием. — Пришлю кого-нибудь. У него будет вот этот жетон, запомни. — Да, — ответила я, стараясь сохранить ясность.

Потом появился Вернер с эльфийкой. Она через него спросила:— Тебя покормят, и ты обязательно поешь, — добавил он, прежде чем уйти. Вскоре мне принесли лепёшку

с овощами и белым мясом, свёрнутую в трубочку. В дополнение — тыкву со срезанной верхушкой, наполненную жидкостью. Девушка жестами объяснила, что выбрасывать тыкву не надо: в неё можно набирать воду. С трудом прожевав лепёшку, я намеревалась экономить воду, но девушка, принеся мой хитон, настаивала, чтобы я выпила всё. После этого она подвела меня к барельефу с животным, из пасти которого текла вода. Я набрала воды в тыкву, и меня вывели из храма во двор. Вход был открыт, вокруг сновали подозрительные типы. Однако охранники храма, похоже, получили указания насчёт меня: они бдительно обходили территорию, отгоняя назойливых. Прошло немало времени, прежде чем появился мрачный субъект в плаще с капюшоном и коротким мечом на поясе. Он уверенно направился ко мне, достал из хитона жетон, сверкнувший на свету, затем оглядел меня. Поманив одного из местных, он что-то сказал, и тот вскоре вернулся с пучком травы. Мой спутник ловко вставил тыкву в сплетённое гнездо и заткнул пробкой. Затем последовала более сложная операция: местный умелец начал подбирать мне на ноги подобие тапочек, от которых отходили высушенные стебли. Дважды обмотал ими лодыжки и завязал крепкий узел. Рассчитавшись, мой провожатый показал, что нужно выпить остатки воды и набрать новую. Он купил несколько лепёшек, завернул их в лист, похожий на лопух, и убрал в сумку. Мы протиснулись через арку в скале и оказались у ворот, стоявших посреди пустыря. Грунт у ворот был твёр-

дым, дальше — галька. Мягкая подошва тапок не спасала, и путешествие обещало быть мучительным. Постепенно мы добрались до посёлка за оградой. Нас впустили. Провожатый оставил меня у ворот, а сам скрылся в узких улочках. Через полчаса он вернулся с повозкой — деревянной платформой на двух огромных колёсах. Тащило её существо, напоминающее помесь осла и бегемота; его скорость сулила новые мучения. Уже смеркалось, когда мы добрались до другого посёлка. Утром, не теряя времени, сменили повозку на такую же. К обеду доехали до следующего пункта, и, к моей радости, там нас ждал знакомый — один из людей Петера. Дальше мы двигались быстрее, хотя и не так, как с Ивэном. Наконец мы оказались в зале с бойницами. Нас пропустили, забрали хитон, вернули халат. Ещё одна переброска — и меня остановили, отправили к врачам. Отобрали тыкву и плетёные тапочки, выдав обычные.

— Вас восстанавливали с помощью угра?

Вернер быстро доставил меня в моё последнее пристанище, где я впервые увидела себя в зеркале: ни бровей, ни волос. Пришлось купить парик. Вернер сначала перевёл, но дальше они общались без меня на незнакомом языке.

У камина

В уютном кресле у камина, где весело плясали языки пламени, расположились двое мужчин. Они беседовали, изредка прерываясь, чтобы сделать глоток из серебряных кубков с пивом. Один из них, одетый в домашний халат, казался хо-

зьяном этого места, в то время как второй, помоложе, был в эффектной камзоле, плотно перепоясанном широким ремнем с кинжалом в ножнах, в лосинах заправленным в сапоги, почти достигающие колен.

Первым заговорил гость:

— Ивэн, от кого угодно, но не от тебя я не ожидал такого. Почему ты запретил мне говорить о том, что произошло?

Сдержанный, как истинный аристократ, Ивэн ответил:

— Макс, я боялся твоей реакции. С другой стороны, ничего ужасного не произошло, верно? Это всего лишь первый огненный цикл.

— Эль тебя осмотрела? — спросил Макс, приподнимая брови.

— Да. Она обещала, что через пару-тройку дней я снова буду в строю и смогу вернуться на Землю, — с легкой улыбкой ответил Ивэн.

На мгновение они замолчали, а затем снова пригубили пиво.

— Зачем тебе это понадобилось? Вернер сказал, что претендентки были на одном уровне. Девушку можно было бы привести в форму стандартными методами за неделю-другую.

Ивэн, отхлебнув пива, проницательно посмотрел на собеседника:

— Макс, возникла нештатная ситуация. Ты знаешь, что меня интересуют подводные пловцы. В этой области впереди

итальянцы и англичане. Я запустил несколько групп, о которых Вернер не знает.

— У моей итальянской команды наметился прорыв, — продолжал Ивэн, его голос становился все более уверенным. — Новых пловцов итальянцы отбирали только из своих подданных, и с тщательной проверкой.

Но итальянцы они и есть итальянцы. От Дуче этот проект курировал типичный итальянский бонза, большой любитель женского пола. Одна из его любовниц — офицер морского флота, и она возжелала пройти такое обучение. Он пробил включение в очередную группу по обучению трёх женщин: одну — свою любовницу, вторую срочно подобрала морская контрразведка, а третье место было свободно.

Он хмыкнул, опуская взгляд:

— И вот тут мои ребята решили подловить этого кота. Обнаружили, что он в неадекватном состоянии, будучи пьяным, высказывался о Дуче откровенно оскорбительно. Дуче ему вряд ли бы это простил. Вот они и попросили его включить в группу союзницу и, что самое важное, аристократку. Будучи сам плебеем, этот тип всегда предпочитал аристократок. Поэтому такая его протезе не вызовет подозрений.

Они вновь пригубили пива.

— Так вот, именно в этот момент позиции девушек резко изменились. Одна владела итальянским языком, что не очень важно, но она, кроме того, была подготовлена именно для общения с итальянскими офицерами. И главное, у нее

был богатый опыт службы среди мужчин, в отличие от первой.

Ивэн сделал еще глоток, его глаза сверкали волнением:

— Представь, какое состояние меня охватило, когда я осознал, что все может рухнуть.

— Ивэн, а от кого вы представились этому дучевцу? — поинтересовался Макс с обостренным интересом.

— Макс, ну конечно, не от тебя, а от личной службы Гиммлера. Даже знакомый ему бригаденфюрер подтвердил, там есть свой прикормленный, — произнес Ивэн, его голос стал более серьезным.

После очередного глотка он добавил:

— Счет шел не на дни, а на часы. Поэтому я и вспомнил про Храм.

Они замерли в раздумьях.

— Макс, ты ведь из замка? — вдруг спросил Ивэн.

Тот кивнул.

- Ты побыл хоть немного в замке?

- Нет, только переоделся.

— Займись своим замком. Хочешь, дам тебе управляющего или целую команду?

— Как-нибудь в другой раз, — уклонился Макс.

— Зря, многим это не нравится. Говорят, что у тебя казармы для дружины лучше, чем собственный замок, — поддразнил его Ивэн.

— Ивэн! Ты знаешь, что дружина нужна. Она помогает

местному населению отбиваться от нечисти. А в замке я фактически и не бываю, — ответил он.

— Ну, это твое дело, — усмехнулся Ивэн. — Хотя традиции есть традиции.

— Ладно, жду тебя, — сказал Макс, поднимаясь.

Пловцы

Очередная переброска привела меня на лыжный курорт в Альпах, но уже на итальянской территории. Согласитесь, приятно покататься с гор, но не на машине, за рулём которой сидит сумасшедший водитель. И вот я в маленьком городке неподалёку от Генуи. Здесь, словно в плену роскошных пейзажей, мне предстоит вновь пережить процесс впрыскивания информации, но уже не напрямую, а через женщину-посредницу.

Ранним утром мне дают вводные данные. Оказывается, я попадаю в группу подготовки боевых пловцов, и отныне все разговоры будут вестись исключительно на итальянском языке. Мне нужно подобрать себе вещи — всё должно быть сделано в Италии. Начальство знает, что я иностранка, но группе это знать не обязательно.

Через несколько часов мы уже сидим в кафе на набережной. Я, представитель группы поддержки и два итальянских морских офицера. В это мгновение в кафе входит девушка в форме лейтенанта итальянского военно-морского флота. Один из офицеров, с дружеской улыбкой, приветливо машет ей рукой. Она уверенно подходит к нашему столику. Офи-

цер галантно отодвигает стул для неё, и она садится, представившись:

— Даниэлле Ломбарди.

Вспоминая об отсутствии опыта общения с итальянцами, я неуверенно произношу:

— Да-да. В Ломбардии.

Хотя, как мне кажется, это не совсем так. Офицеры начинают смеяться, а девушка, смутившись, переводит взгляд то на них, то на меня. На её лице отчётливо проступает досада.

Один из офицеров, чтобы успокоить её, кладёт ладонь на её руку и, указывая на меня, говорит:

— Даниэлла.

Затем показывает на неё:

— Даниэлле. (Небольшая пауза) У вас практически одинаковые имена, а Ломбарди — это её фамилия.

Я пытаюсь извиниться перед девушкой, и она, наконец, улыбнувшись, произносит:

— Разница только в окончании. Давай я буду звать тебя Ля, а ты зови меня Ле.

Я на мгновение останавливаюсь, размышляя, почему «Ля». Понимаю, что это связано с мягкостью итальянского языка, поэтому это «Ля» гораздо более приятное, нежели резкое «Ла».

Кто-то из офицеров смеётся вновь:

— Будете сестричками Ле и Ля!

Стараясь элегантно вытянуть шею, стараюсь поддержать

шутливое настроение:

— Как приятно обрести такую сестру, как Ле.

Она смеётся, подсаживается ближе, и, обнявшись, мы целуемся. Оказывается, вместе с этой компанией «людей-лягушек» я оказалась не случайно — кто-то Макс или Ивэн, должно быть, договорились, что мне предстоит пройти курс молодого бойца-подводника. Мало того, я первая иностранная женщина, которой это разрешили. Оказывается, в их рядах есть не только итальянцы — среди них даже один из старших офицеров оказался русским, но и он гражданин Италии.

На базе начальник группы сказал мне, что шевелюру придётся укоротить. Я молча сняла парик.

— Так вполне нормально, — кивнул он.

Передо мной снова открываются трудности учёбы. Мышцы вновь начинают ныть от новых нагрузок, которая охватывает всё тело. Начало тренировок. Плавание на небольшой глубине с ластами, ныряние без сложного оборудования. Очки, трубка... Я вспомнила, как казаки умели скрываться под водой с такой легкостью, и теперь нас учат тем же уловкам. Часто я плавала с сестричкой Ле, которая открывала мне удивительный подводный мир — его краски и красоты навсегда запечатлелись в моём сердце.

Параллельно нас готовят к погружениям на большую глубину или на длительный срок. Хорошо известно, что теплообмен в воде происходит гораздо интенсивнее. На глубине вода холодна до боли. Шерстяное белье, а иногда дополняли

его свитером или даже меховой вещью. Сверху надевали резиновый костюм, резина почти как у велосипедной камеры. Затем еще более плотный костюм, чтобы не повредить тонкий резиновый. Это целое искусство — вся одежда должна плотно облегать тело.

Когда тыходишь в воду, костюм сжимает все тело, выдавливая воздух. Необходимо стравить его, оттянув манжет резинового воротника. Но здесь нужна мера: если выпустить слишком много, то одежда сожмется до невыносимого состояния, усиливая теплообмен, и можно замерзнуть в считанные мгновения.

Спуски в воду происходят с берега, надо учитывать различные варианты побережья, а затем с надводного корабля — это другая специфика. И лишь затем уходят в глубины, сначала не очень большие, потом глубже.

При погружении возникает щекочущее чувство прохлады, словно нежно касаюсь воды, чтобы привыкнуть к ее объятиям. Каждое движение становится частью танца с морем — легкие, но уверенные, словно мы сами становимся частью этой волшебной стихии.

Изучаем, какие опасности подстерегают в море. Кроме теории есть и практика. В одном месте у них живет мурена. Зрелище, как эта молния выскакивает из своей норы и хватает добычу, которую ей протягивают на шесте, весьма впечатляющее.

Во время посещения мурены, у меня впервые проявилась

новая способность, меня предупредили, что спектакль будет очень быстрым. Я сосредоточилась, мурена достаточно медленно выползала из своего логова, схватила приманку и вновь медленно поползла назад. Я с удивлением оглянулась на моих спутников. Ощущение было такое, что они замерли, неподалеку очень медленно проплывала какая-то рыба.

Закрыла глаза встряхнула головой, открыла мурена стремительно скрылась в норе, рыба плыла достаточно быстро.

Потом еще несколько раз было состояние, что для меня время движется медленнее, чем для окружающих.

Есть и бухточка, которую облюбовали скаты. Учат, как их замечать, когда они лежат на дне. Когда скат плывет — удивительное зрелище. Но и опасность от них огромна.

Правда, акул и осьминогов изучали чисто теоретически.

Ориентирование по компасу в темноте: надевают мешок до пояса и иди по компасу. Шутка: кто-то рядом таскает железяку, компас немного, но отклоняется.

Транспортировка под водой грузов.

Особенности борьбы в воде. Устройства аппаратов дыхания и оборудования. Бой под водой на ножах, без ножей, как испортить оборудование противника, чтобы он вынужден был всплыть, и как помешать ему всплыть.

Последнее — это установка мин и обнаружение мин, прикрепленных к кораблю. Но способы разминирования меня учить не стали.

Параллельно теория о составе воздуха, его поведении под

давлением, всплытие с глубины и все такое прочее.

Стало понятно, что мне впрыснули опыт подводника. Иногда еще не зная, как, начинаю автоматически делать то, что нужно.

Последним этапом моего обучения было десантирование с подводной лодки и возвращение на нее.

Потом мне сказали: «Чао, девочка, но дальше тебе учиться не положено».

Почти месяц провела с Ле и ребятами, она врач при группе боевых пловцов. Заодно обкатала свой итальянский язык, в том числе военно-морскую терминологию. Несколько раз съездили в Геную.

Италия – Касабланка

Отнюдь не последней в группе прошла первую ступень, на вторую меня не пустили. Моё начальство или не смогло договориться, или не захотело. Но приказали переспать с одним из инструкторов подводных бойцов, ночью с него скачали информацию и существенную её часть втиснули в мою несчастную голову.

Через пару дней я уже стояла на палубе корабля, идущего в Марокко, с удовольствием подставляя голову морскому ветру, он шевелил пусть ещё короткими, но уже собственными волосами. Корабль под испанским флагом. Зашли на Майорку, потом Валенсия. И порадовали, что они через Гибралтар не пойдут.

Хорошо мне дали номера телефонов для контакта в Ис-

паний. Дали на всякий случай, вот и пригодился. Связалась, мне сказали, в какой гостинице остановиться. Утром, только позавтракала, появился мачо на спортивной машине, неся он как сумасшедший. К вечеру я уже на противоположном берегу Испании в Сан-Себастьяно. А на следующий день мне вручили французский паспорт, теперь я французская поданная из русских эмигрантов.

Я путешествовала на обычном торговом судне, и условия для пассажиров были весьма скромными. Однако у меня уже был богатый опыт общения с мужским коллективом, и после нескольких неприятных для приставал моментов отношения стали вполне нейтрально-дружескими.

Погода была прекрасной, а океан представлял собой захватывающее зрелище. Судно не заходило в порты, и скорость у него была неплохая. Всего через шесть дней я оказалась в Касабланке.

Часть II. Жизнь в раю

Почти что рай

Контроль я прошла уже по немецким документам, как Даниэлла фон Брангау. Мне дали адрес пансионата, где я должна была снять апартаменты. Как добраться до него и каков план города, я изучила заранее.

Хозяйка пансионата, пожилая француженка марокканского происхождения, предупредила меня, что не потерпит никаких скандалов и шума. Я пообещала вести себя тихо и достойно. Мои апартаменты состояли из двух небольших

комнат — спальни и гостиной, которая также служила кухней. Туалет и душ были совмещёнными, но зато своими.

Касабланка — легендарный город с изумительной погодой. Мне нравилось гулять по его улочкам с белым домам, любоваться пляжем и морем. Интересно, что уже в средние века на этом месте был город Анфа, зажиточный, в том числе благодаря тому, что был одной из баз пиратов.

Однако работа есть работа. В городе уже работала группа наших дам. Старшей была француженка маркиза Дениза де Леви, с ней работали две француженки — Моника и Эстель, а также русская эмигрантка Натали. Отдельно работали Марго, которая представлялась графиней де Пуатье, но её плебейское происхождение было видно невооружённым глазом. Ещё были Ольга, из французских русских эмигрантов, полька Зоя и Жанет, которая не скрывала, что ранее была проституткой в Марселе. Обычно она была с нами, но иногда её привлекала Дениза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.